

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.010

ЖАНР КОЛЫБЕЛЬНОЙ В СОВРЕМЕННОЙ ОСЕТИНСКОЙ
ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Анжела Борисовна Бритаева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-6926-3816>; angelikabb@yandex.ru

В статье впервые представлен анализ жанра авторской колыбельной песни в современной осетинской детской литературе. В последние годы большое внимание уделяется изучению культурных кодов этносов, традиций, художественной культуры, именно этим обусловлена актуальность статьи. Автор прослеживает отражение истории вопроса в северокавказском и осетинском литературоведении. Различные аспекты темы были в свое время рассмотрены Ш.Ф. Джикаевым, однако его анализ (1986) коснулся литературного процесса до 80-х гг. XX в., а настоящее исследование прослеживает развитие жанра в конце XX – начале XXI в., при этом особое внимание уделяется фольклорным традициям и авторским новшествам, принесенным в жанр. Кроме того, научная новизна принятого изыскания состоит и в том, что многие имена и произведения впервые введены в научный оборот (А. Кибиров, Р. Гаджинова-Хабаева, З. Бзыкова и др.). Для более глубокого анализа сопоставляются колыбельные «взрослые» (произведения Н. Джусойты, Ш. Джикаева, З. Хостикоевой), в которых форма колыбельной служит лишь средством выражения авторской позиции на явления окружающей действительности, злободневные проблемы современности, и «детские», адресат которых – ребенок. С опорой на сравнительно-сопоставительный метод анализа в процессе работы была подтверждена тесная связь литературных колыбельных песен с устным народным творчеством в плане сюжетных линий, структуры, образов, внешней атрибутики. В заключительной части автор сформулировал выводы, свидетельствующие, что каждое произведение индивидуально и от традиционной колыбельной песни порой остаются

ся лишь жанровые маркеры: адрес, структура, речевые формулы. В теоретическом и практическом плане работа внесет вклад в разработку истории осетинской детской литературы, изучение ее национальной специфики.

Ключевые слова: осетинская детская литература, детская поэзия, фольклорные истоки, колыбельная песня, литературная колыбельная.

Для цитирования: Бритаева А.Б. Жанр колыбельной в современной осетинской детской поэзии: традиции и новаторство // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 16(23). С. 5-18. DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.010

«Пойте детям колыбельные песни.
Песня матери – главная песня в мире;
начало всех человеческих песен»
Расул Гамзатов.

Введение

Колыбельная – один из древнейших фольклорных жанров. Напевая колыбельные песни, мать передает своему ребенку информацию о новом для него мире. Она предназначена не только для того, чтобы усыпить, убаюкать ребенка (для этого достаточно было бы мелодии, слова здесь необязательны), она выполняла также функцию оберега. Речевые формулы, которые в ней использовались, были сродни заговорам, защищающим от любого негатива. У многих народов колыбельные песни считались оберегом. В них мать будто заговаривает ребенка, защищая от неблагоприятного воздействия извне, передает благопожелания на ближайшую перспективу (чтобы уснул, рос, ничего не боялся) и на отдаленную (чтобы вырос удачливым, счастливым, богатым, стал гордостью не только семьи). Передать такую защиту могла только мать. И тому подтверждение – народная мудрость. До сих пор на Востоке, порицая человека, его поступки, говорят: «Ему мать колыбельных песен не пела».

Отличительной чертой многих колыбельных песен является то, что, убаюкивая младенца «монотонным пением, ритмом песни, взрослые люди выговаривают свои заботы, радости и печали», – писал В.П. Аникин [1, 95]. Т.е. в этом случае «ребенок представляет собой для матери лишь объект словесного воздействия, поскольку смысл слов ему не понятен», – пишет Дз.К. Хетагурова [2, 265]. И это то, что привлекает поэтов в этом жанре колыбельной, поскольку возможности формы колыбельной безграничны.

Обращались к рассматриваемому жанру многие поэты, классики русской и советской литературы: А.Н. Майков, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, М.И. Цветаева, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, Саша Черный, Ф. Сологуб, В.И. Лебедев-Кумач, М.В. Исаковский, В.С. Высоцкий и др. Колыбельные песни есть и у большинства детских поэтов: С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто, И. Токмаковой и др. Общеизвестны колыбельные «Спят усталые

игрушки» на стихи Зои Петровой, «За печкою поет сверчок...» на стихи О. Петерсона, «Колыбельная медведицы» на стихи Ю. Яковлева и др.

Конечно же, национальные литературы не являются исключением в этом вопросе. В творчестве большинства осетинских, балкарских, дагестанских, адыгских, абхазских, чеченских поэтов непременно есть колыбельные. Корни литературной колыбельной глубоко уходят в благодатную почву устного народного творчества.

Жанр фольклорной колыбельной достаточно подробно рассматривался фольклористами Кавказа. Так, жанр карачаевского обрядового фольклора, в том числе, конечно, и колыбельных песен, исследуется в работах Р.А.-К. Ортабаевой [3], поэтика колыбельных песен народов Дагестана – в работах Ф.З. Абакаровой [4], Ф.А. Алиевой и Ф.Х. Мухамедовой [5]. Известна также работа Р.Б. Унарокова и М.А. Шхабацева «Объективация идеального героя в колыбельных песнях адыгов» [6] и др. В своих исследованиях к этому жанру обращались и осетинские фольклористы: Ш.Ф. Джикаев [7, 49-63], Дз.Г. Тменова [8], Дз.М. Дзлиева [9], М.В. Дарчиева [10] и др.

Однако и литературная колыбельная привлекает внимание ученых. Авторские колыбельные стали объектом интереса многих кавказских исследователей: А.М. Муртазалиева и М.Н. Набигулаевой («Детская поэзия Расула Гамзатова») [11], Ф.Х. Мухамедовой («Дагестанская детская литература») [12] и др. Достаточно большой литературный материал анализируемого жанра охватил в своей статье «Литературные колыбельные песни» Ш.Ф. Джикаев [7, 64-82]. Статья явилась продолжением предыдущего изыскания «Осетинские фольклорные колыбельные песни». Ученый проанализировал традиции и новаторство колыбельных песен, написанных Т. Мамсуровым, К. Хетагуровым, А. Кубаловым, Б. Гурдзибеевым, И. Арнигоном, А. Токаевым, Г. Бараковым, Д. Мамсуровым, Б. Боциевым, Нигером (И. Джанаев), Я. Хозиевым, Х. Калоевым, Х. Плиевым, Г. Дзугаевым, Н. Джусойты, А. Царукаевым и мн. др. Произведения эти написаны до 80-х гг. XX в.

Мы же рассматривали особенности развития жанра в конце XX – начале XXI в., акцентируя при этом внимание на аксиологическом аспекте произведений, на фольклорных и литературных традициях и новаторстве, принесенном в жанр современными авторами. В этом и заключается научная новизна исследования. Кроме того, в научный оборот вводятся новые имена (А. Кибиров, Р.Ц. Гаджинова-Хабаева), их произведения, а также произведения известных поэтов (А. Гучмазова, А. Бритаева и др.), которые ранее не рассматривались литературоведами.

Основная часть

Авторские колыбельные песни во многом сходны с фольклорными: «Они сохраняют их основной жанровый признак – обеспечение адре-

сату песни перехода в состояние сна – и, как правило, воспроизводят мелодику, ритмический рисунок, отчасти сюжетные схемы, мотивы, персонажное поле и даже многие речевые формулы — маркеры жанра («баушки-баю», «спи спокойно», «спи-усни» и др.) [13, 367]. В осетинских колыбельных эти маркеры: «алопай», «ахуысс, цæй», «булла-булла, дæгетæ» или «дæге, дæге, дæгеца» и т.д. Много общего и в том, как называется адресат песни: «мæ хур» («мое солнышко»), «мæ гыццыл хур» («мое маленькое солнышко»), «мæ урс уарыкк» («мой белый ягненок»), «мæ бæдул» («мой цыпленок»), «мæ зæрдæ» («мое сердце»), «мæ цæст» («мой глаз»). Эти эпитеты встречаются в колыбельных многих народов, однако несомненно и то, что есть эпитеты и наименования адресата песни, которые окрашены национальным колоритом. К примеру, в дагестанских колыбельных нередко встречаются «маленький хинкал из жира», «яичный хинкал».

К фольклорной традиции можно отнести и то, что в некоторых колыбельных обозначена их гендерная принадлежность: уже в самом тексте заложено руководство к действию для адресата. Мальчик должен быть отважным, мужественным, сильным, ловким, трудолюбивым, но при этом оставаться добрым и справедливым. Приветствуется физическая сила, умение танцевать, метко стрелять. Девочка же должна быть хозяйственной, скромной [14, 25]. В этом плане разницы между колыбельными разных народов нет. И это объяснимо и логично.

Сходства между фольклорными и литературными колыбельными очевидны, однако авторские колыбельные значительно отличаются от произведений устного народного творчества, и прежде всего их отличает художественный мир автора.

Если рассматривать этот жанр, то мы бы разделили колыбельные, написанные для детей, и колыбельные, условно называемые «взрослыми», которые являются, по сути, средством выражения своей реакции на какие-то явления общественной жизни, например. Тема данной работы предусматривает рассмотрение лишь колыбельных, адресованных детям, но считаю не лишним упомянуть и «взрослые» колыбельные. Это поможет сформулировать отличительные особенности колыбельных детских. К таковым относится произведение Н. Джусойты «Мады зарæг сывæллонæн» («Песня матери ребенку»). Мать прислушивается к дыханию больного ребенка, если она слышит посапывание ребенка, сердце ее успокаивается. Для матери посапывание ребенка – Счастье. Сопит – значит, дышит, значит, жива. Трагичное, по сути, стихотворение, заканчивающееся мольбой матери: «Дитя, выйди из своей комнаты! Дитя, не прекращай посапывать». Колыбельная переполнена материнской болью:

*«Науæд бампылын цууыл,
Цыма банцад дæ улæфт*

*Æмæ, баст куыдзау, ниуын,
Æмæ сындытыл тулын.*

*Цыма д' алыварс хъула
Сау фыдбылызтæ тары,
Хъазынц сонт удæй, хъулау,
Уым æрми-æрми барæй*

*Низтæ систы дæ фысым,
Зинтæ зилынц дæ уæлхъус...» [15, 258]*

А то вся сжимаюсь от боли,
Будто остановилось твое дыхание.
И словно собака вою,
И катаюсь по колючкам.

Будто в темноте ты окружена
Черными бедами,
Которые словно альчиком играют невинной душой.

Болезни стали хозяином твоим,
И несущие болезни духи кружатся вокруг тебя
(здесь и далее перевод наш – А.Б.)

Эта колыбельная-плач. Она имеет посвящение, а значит, написана по конкретному случаю, рождена болью за ребенка. Мы не стали рассматривать эту колыбельную, как что-то типическое для жанра, скорее, особенное, нехарактерное. К таковым можно отнести еще одну взрослую колыбельную – это «Авдæны зарæг Ирыстоны саударæны» («Колыбельная песня в дни траура в Осетии») З. Хостикоевой. «В трагические для юга Осетии дни грузинской агрессии в лирике З. Хостикоевой рождается жанр плача, в котором автобиографический герой примеряет на себя тяжкую роль во пленицы Ира», – пишет И.В. Мамиева [16, 134].

Нельзя не отметить, что время, эпоха вносят свои коррективы в развитие жанра. Современные осетинские поэты продолжают традиции своих предшественников, классиков осетинской литературы: прибегают к рассматриваемому жанру с определенными целями – показать реалии времени, наболевшее. «Взрослые» колыбельные рассматриваемого периода – конца XX – начала XXI в. отмечены печатью своего времени. Так называемые лихие 90-е. Таковыми в памяти народа остались последние десять лет XX в.: разгул бандитизма, когда прав тот, у кого оружие. Ответом на мораль и ценности определенных кругов тех лет стало стихотворение известного осетинского поэта Ш. Джикаева «Колыбельная для «нового» осетина» [17,

119]. Глубокие и болезненные для поэта мысли и переживания вложены в это произведение: автор показал потерю вековых ценностей, человеческого лица людьми нового времени. Поэт высмеивает жизненные ценности и образ жизни таких «хозяев жизни».

Этих примеров «взрослых» колыбельных вполне достаточно, чтобы сделать выводы об отличии их от детских, обозначить художественные особенности и тех, и других. Здесь форма колыбельной нужна поэту как художественный прием, дающий выговориться, рассказать об острых, актуальных проблемах, которые не дают поэту молчать.

Переходной ступенью между «взрослой» и «детской» колыбельной является стихотворение «Колыбельная для маленькой елочки» Ш.Ф. Джикаева [17, 62]. Поэт обращается к маленькой елочке, растущей на опушке леса, с наставлением беречь себя: ведь скоро Новый год, и кто-то да захочет срубить ее. И как будто похоже на колыбельную для детей, но дальше поэт пишет, что если она уцелеет на новый год, то остается риск быть срубленной на «зазхæссæн», поминальный день, когда небольшие елочки украшают сладостями, посвящая их покойным, ушедшим в течение прошедшего года. Забота, беспокойство за судьбу елочки звучит в колыбельной Ш. Джикаева, но это средство сказать о том, о чем болит его раненое сердце:

*Цалх дæр атулы мæллæгыл,
Фос дæр уый хæрынц фылдæр...
Айрæз. ...Ма сæмбæл фыдлæгыл,
Тагъддæр æврæгътæй уæлдæр
Сис дæ сæр!*

Колесо тоже наезжает на худого (т.е. слабого),
Скот тоже чаще его поедает...
Расти. ...Пусть тебе не встретится злодей,
Скорее подними голову
Выше облаков!

Детская поэзия, опирающаяся на традиции национального фольклора, – это «своего рода открытое окно во взрослый мир» [14, 5], которое вводит ребенка в поле культуры народа. Поэзия, как и сказки, – это начало дороги в непознанный, непонятный еще ребенку мир взрослых. А колыбельные песни – это самый первый шаг на этом большом и сложном пути. Эстетические и этические возможности жанра становятся действенным средством воспитания и самовоспитания подрастающего человека, способствуют познанию им мира и самого себя.

Итак, колыбельная песня, адресованная ребенку, наиболее близка к

фольклорной традиции. Пример такой колыбельной – «Авдæни зар» («Колыбельная») Амурхана Кибирова [18, 8-9]:

*Булла, булла, дæгетæ,
Мингий зæрдæ, мæхе дæ.
Ракæнæ, цæй буллатæ,
Гæппитæй ниффæллад дæ.
Æнцæ æнцæд фæлдзæстæ,
Рахуссæ, ра, мæ цæстæ...*

[Непереводимые слова из детского языка]

Маленькое сердце ты мое,
Сделай давай буллата.
Ты устал от прыжков,
Вокруг тишина.
Засыпай, давай, мой глазик

*(ласковое обращение, аналогичное русскому
«свет очей моих»).*

Или:

*Дæге, дæге, дæгеца,
Сугъзæрийнæй – дæ гоцца.
Цацатæ дин – дарийæй, –
Бафсæдæ сæ дарунæй.
Авдæнæ бал дæ бæх æй,
Байрæзæ си дзæбæхæй...*

[Непереводимые слова из детского языка]

Шапка у тебя золотая,
Одежда твоя – из шелка, –
Носи их долго [имеется в виду пожелание долголетия].
Это твой конь,
Расти в ней [в колыбели] большой.

Заканчивается колыбельная традиционно благопожеланием:

*Цард дин, ку уай дæ кари, –
Байтиндзæнæй мин дуари.
И раст фæндаг равзарæ,
Уæд дæмæ нифс, æхсарæ...
Нир ба уинæ хуæрзфунтæ,
Уæнтæ мæ хай дæ рунтæ.*

Когда ты вырастешь,
 Пусть жизнь распахнет перед тобой тысячу дверей.
 Выбери правильный путь,
 Пусть у тебя будут смелость и отвага.
 А сейчас тебе добрых снов,
 А твои болезни пусть достанутся мне.

По содержанию, по щедрости на ласковые слова и благожеланиям этой колыбельной близки «Аджын фын» («Сладкий сон») Р. Гаджиновой-Хабаевой [19, 24], «Хъæбулæн» («Дитяти») и «Мæ хъæбул» («Мое дитя») З. Бзыковой [20, 35].

З.Н. Даурова (Даура) – поэтесса, писательница, которая писала и для взрослых, но особой и главной аудиторией ее были дети. Ряд сборников поэзии и прозы она посвятила и адресовала подрастающему поколению. Ее «Авдæны зарæг» («Колыбельная») [21, 3] не выполняет функцию усыпления, напротив, это обращение к младенцу: проснись малыш, отбрось подушку для коленок (часть колыбельной перевязи) и беги играть с зайчатами, поговори с утками, индюками, прогони подальше ястреба, ухвати за ветвистые рога оленя, протяни свои ручки к Солнышку и смело иди по дороге жизни». Это своего рода «антиколыбельная». Таковой является и «Уасæг» («Петушок») Риммы Хабаевой-Гаджиновой. Здесь песню поет не мама для малыша. А сам ребенок обращается к Петушку: «Зачем ты разбудил меня? Почему не дал выспаться. Поспи, еще рано, еще звезды на небе. Поспи, дай поспать ребятам, а за это они принесут тебе с поля пшеницы». Сохраняются и традиционные формулы колыбельной: «А-ло-лай, а-ло-лай», а также вся внешняя атрибутика.

Как известно, в колыбельной велика роль мелодии. Что же касается текста, то здесь большое значение имеют повторы, сочетание звуков, звукоподражания. Именно с помощью этих приемов достигается благозвучие, напевность колыбельной. «Авдæны зарæг» («Колыбельная») Алеша Гучмазова [21, 10] именно из-за применения автором этих приемов, а более всего – аллитерации, выделяется среди других произведений представленного жанра. В тексте Гучмазова часто встречаются звуки [в], [ф]:

*«Ацы 'нафоны у афон
 Сабитæ кæной фынæй.
 Уæнафон... Уфынафон...
 Рузынгæй æрбакаст мæй, –
 Сабитæ, фынæй, фынæй...»*

В этот поздний час пора
 Детям спать.

Поздно... Время сна...
В окно заглянул месяц, –
Дети, спать, спать...

В другом куплете колыбельной подобное наблюдается со звуками [з] и [с]. Обилие этих звуков, вкуче с плавным ритмом произведения, способствует успокоению, засыпанию. Украшением колыбельной являются и образы ночи: чернородый всадник, который явился с небес, спешился, поглаживает черную бороду, усыпляя малышей (в русском языке «ночь» женского рода, в осетинском языке же из-за отсутствия категории рода автор свободен в выборе пола своего персонажа).

Богатством языка, яркостью образов, уникальным синтезом фольклорных традиций, традиций Коста, талантливо ограненных авторским видением, отличается «А-ло-лай» Асланбека Бритаева [23, 12]. Здесь и наличие традиционных благопожеланий; маркеров, характерных жанру: «А-ло-лай, а-ло-лай», «айрæз» («расти»), «ахуысс» («поспи»), «сæхгæн дæ дзæццйтæ» («закрой свои глазки»), и ласковых обращений: «хуры тын» («солнечный лучик»), «мæ зæрватыкк» («моя ласточка»), «мæ адджын» («мой сладкий»):

*Ацъынд кæн, хуры тын, сау цæсты хаутæ,
Банкъар дæ мадæн йæ зарæджы ад.
Фæзмæ та стъалы æртахæй æрхаудта,
Уый та у арвы хæтынæй фæллад
Тагъддæр дæ фынты рæзай,
Уды цин мадæн хæссай...
А-ло-лай, а-ло-лай...
Схуыссыд æхсæрæг йæ мады дæлармы,
Мæй сæм æврагъы æскъуыдтæй кæсы,
Уый у кæлæнгæнæг, бур тынтæ луары,
Сабитæн стъалыты фынтæ хæссы.
Хъазы дæ авдæныл мæй,
Сæхгæн дæ дзæццйтæ, цæй...
А-ло-лай, а-ло-лай...*

Сомкни, солнечный лучик, свои черные ресницы,
Ощути вкус маминой песни.
На поляну звезда упала каплей –
Она устала путешествовать по небу.
Чтобы поскорее вырасти во сне,
Быть для матери усладой души...
Баю-бай, баю-бай...
Уснул бельчонок в объятиях матери,
Месяц поглядывает на них из-за обрывков облаков,

Он как волшебник сеет свои желтые лучи,
 Приносит детям звездные сны.
 Месяц играет на твоей колыбели.
 Ну-ка, закрой глазки...
 Баю-бай, баю-бай...

Известный осетинский поэт Ш. Джикаев назвал колыбельную песню «началом духовности в жизни человека. Она связывает поколения как ствол дерева, связывает корни с молодыми побегами, ветвями, она несет в себе силу родной земли» [7, 64]. Он писал это о колыбельных осетинских авторов, написанных до второй половины XX в. В полной мере слова поэта можно отнести и к современной авторской колыбельной.

Заключение

Итак, в ходе анализа жанра колыбельной в осетинской детской литературе выявлена ее взаимосвязь с фольклорной в плане сюжетной модели, мотивного ряда, системы персонажей, композиции, структуры, образов и стиля. Фольклор всегда был и остается живительным родником для профессиональной литературы. Его влияние отразилось на колыбельных песнях не только на этапе становления жанра, современные поэты также черпают в нем вдохновение.

Как фольклорный жанр колыбельная песня стала неотъемлемой частью авторской поэзии. Литературный талант каждого из рассмотренных авторов наделил созданные ими колыбельные индивидуальными чертами, неповторимостью. От традиционной колыбельной песни порой остаются лишь внешние атрибуты: адрес, мелодичность, жанровые маркеры, речевые формулы. В остальном она становится средством выражения авторской идеи. Но это касается лишь «взрослых» колыбельных, в которых адресатом не являются дети. Новаторство в литературе появляется с опорой на традиции. Эволюция жанра происходила таким образом, что колыбельная песня стала средством изображения жизни во всей ее широте.

1. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. 237 с.

2. *Хетагурова Дз.К.* Трансформация жанра колыбельной песни в лирике символизма (Ф.К. Сологуб, К.Д. Бальмонт, А.И. Токаев) // *Nartamongæ*. 2010. №1-2. С. 265-280.

3. *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-Балкарские колыбельные песни и некоторые аналогии из фольклора других народов Северного Кавказа // *Труды*. Вып. 7. Серия филологическая. Черкесск. 1973. С. 131-143.

4. Абакарова Ф.З. Поэтика колыбельных песен народов Дагестана // Поэтика фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1981. С. 93-109.
5. Алиева Ф.А., Мухамедова Ф.Х., Бекеева А.М. Художественная система детского поэтического фольклора Дагестана // Litera. 2020. № 11. С. 42-56. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.11.34158
6. Унароков Р.Б. Шхабацев М.А. Объективация идеального героя в колыбельных песнях адыгов // Вестник АГУ. Сер. 2. Филология и искусствоведение. Вып. 3. 2014. С. 138-143.
7. Джыккайты Ш. Уацтæ: Зонадон критикон уацтæ. Орджоникидзе: Ир, 1986. 195 ф. (на осет. яз.).
8. Тменова Дз.Г. Детский фольклор осетин. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 188 с.
9. Дзлиева Дз.М. К вопросу о семантике припевных слов в осетинских колыбельных песнях // Вопросы литературы и фольклора. 2015. № 8-1. С. 34-41.
10. Дарчиева М.В. Наивная картина мира в осетинской колыбельной песне // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2011. № 5. С. 109-121.
11. Муртазалиев А.М., Набигулаева М.Н. Детская поэзия Расула Гамзатова // Litera. 2021. № 10. С. 117-130. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.10.34165
12. Мухамедова Ф.Х. Дагестанская детская литература: Историко-литературный очерк. Махачкала, 2001. 377 с.
13. Тихомирова Л.Н. Литературная колыбельная как жанр «ночной» поэзии // Дергачевские чтения: Материалы X Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.А. Дергачева (Екатеринбург, 6-7 октября 2011 г.). В 3 т., 2012.Т.2. С. 367-372.
14. Узденова-Каракотова М.М. Карачаевская поэзия для детей. Проблемы жанрового развития. Черкесск: КЧИГИ, 2020. 128 с.
15. Джусойты Н. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2015. 518 ф. (на осет. яз.).
16. Мамиева И.В. Осетинская современная поэзия: жизнь после // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 24 (63). С. 133-157.
17. Джыккайты Ш. Намыс. Дзæуджыхъæу: Ир, 2010. 415 ф. (на осет. яз.).
18. Къибирти А. Дзубу, дзубу, дзубулдар. М.: РУДН, 2023. 49 с. (на осет. яз.).
19. Гæджынон-Хабæты Р., Воложанин Е. Арвæрдын: Ирон зарджытæ сывæллæттæн. Дзæуджыхъæу: Гаситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2012. 52 ф. (на осет. яз.).
20. Бызыккаты З. Хуры кафт: Æмдзæвгæтæ сывæллæттæн. Дзæуджыхъæу: ОАО «Осетия – Полиграфсервис», 2009. 43 ф. (на осет. яз.).
21. Дауырæ. Мæ чысыл хуртæн: æмдзæвгæтæ, радзырдтæ. Дзæуджыхъæу: Олимп, 2002. 160 ф. (на осет. яз.).
22. Гуыцмæзты А. Рохсана. Дзæуджыхъæу: Ир, 1999. 21 ф. (на осет. яз.).

23. *Брытѣиаты А. Хуры тынтæ. Дзæуджыхъæу: ОАО «Осетия – Полиграфсервис», 2019. 36 ф. (на осет. яз.).*

THE LULLABY GENRE IN MODERN OSSETIAN CHILDREN'S POETRY: TRADITIONS AND INNOVATION.

Britaeva, Angela B. – candidate of philological sciences, senior researcher, department of folklore and literature, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-6926-3816>; angelikabb@yandex.ru

Keywords: *Ossetian children's literature, children's poetry, folklore origins, lullaby, literary lullaby.*

The analysis of the genre of the author's lullaby in modern Ossetian children's literature is for the first time been submitted in the presented article. In recent years, much attention has been paid to the study of cultural codes of ethnic groups, traditions, and artistic culture; this is precisely what determines the relevance of the article. The author traces the reflection of the history of the issue in North Caucasian and Ossetian literary criticism. Various aspects of the topic were at one time considered by Sh.F. Dzhikaev, however, his analysis (1986) touched on the literary process until the 80-s of the XXth century, and the present study traces the development of the genre at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, with special attention paid to folklore traditions and author's innovations introduced into the genre. In addition, the scientific novelty of the undertaken research lies in the fact that many names and works were introduced into scientific circulation for the first time (A. Kibirov, R. Gadzhinova-Khabaeva, Z. Bzykova, etc.). For a deeper analysis, lullabies for adults are compared (works by N. Dzhusoity, Sh. Dzhikaev, Z. Khostikoeva), in which the form of the lullaby serves only as a means of expressing the author's position on the phenomena of the surrounding reality, topical problems of our time and "children"; the addressee of which is child. Based on the comparative method of analysis, the close connection of literary lullabies with oral folk art in terms of plot lines, structure, images, and external attributes was confirmed in the process of work. In the final part, the author formulated conclusions indicating, that each work is individual and sometimes only genre markers ascend to a traditional lullaby: address, structure, speech formulas. In theoretical and practical terms, the work will contribute to the development of the history of Ossetian children's literature and the study of its national specifics.

For citation: Britaeva, A.B. The Lullaby Genre in Modern Ossetian Children's Poetry: Traditions and Innovation. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 16(23), pp. 5-18. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.010

References

1. Anikin, V.P. *Russkie narodnye poslovitsy, zagadki i detskii fol'klor* [Russian folk proverbs, riddles and children's folklore]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1957. 237 p.
2. Khetagurova, Dz.K. *Transformatsiya zhanra kolybel'noi pesni v lirike simbolizma (F.K. Sologub, K.D. Bal'mont, A.I. Tokaev)* [Transformation of the lullaby genre in the lyrics of symbolism (F.K. Sologub, K.D. Balmont, A.I. Tokaev)]. *Nartamongæ* [Nartamongæ]. 2010, no. 1-2, pp. 265-280.
3. Ortabaeva, R.A.-K. *Karachaevo-Balkarskie kolybel'nye pesni i nekotorye analogii iz fol'klora drugikh narodov Severnogo Kavkaza* [Karachay-Balkarian lullabies and some analogies from the folklore of other peoples of the North Caucasus]. *Trudy* [Proceedings]. Iss. 7. Philological series. Cherkessk. 1973, pp. 131-143.
4. Abakarova, F.Z. *Poetika kolybel'nykh pesen narodov Dagestana* [Poetics of lullabies of the peoples of Dagestan]. *Poetika fol'klora narodov Dagestana* [Poetics of folklore of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 1981, pp.93-109.
5. Alieva, F.A., Mukhamedova, F.Kh., Bekeeva, A.M. *Khudozhestvennaya sistema detskogo poeticheskogo fol'klora Dagestana* [Artistic system of children's poetic folklore of Dagestan]. *Litera* [Litera]. 2020, no. 11, pp. 42-56. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.11.34158
6. Unarokov, R.B. Shkhabatsev, M.A. *Ob"ektivatsiya ideal'nogo geroya v kolybel'nykh pesnyakh adygov* [Objectification of the ideal hero in the lullabies of the Circassians]. *Vestnik AGU. Ser. 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series. 2. Philology and art history]. 2014, iss. 3, pp. 138-143.
7. Dzykkaity, Sh. *Uatstæ. Zonadon kritikon uatstæ* [Articles. Scientific critical articles]. Ordzhonikidze, Ir, 1986. 195 p. (in Ossetian).
8. Tmenova, Dz.G. *Detskii fol'klor osetin* [Ossetian children's folklore]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2009. 188 p.
9. Dзлиева, Dz.M. *K voprosu o semantike pripevnykh slov v osetinskikh kolybel'nykh pesnyakh* [On the question of the semantics of chorus words in Ossetian lullabies]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore]. 2015, no. 8-1, pp. 34-41.
10. Darchieva, M.V. *Naivnaya kartina mira v osetinskoj kolybel'noi pesne* [Native picture of the world in the Ossetian lullaby]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Izvestia SOIGSI. School of young scientists]. 2011, no. 5, pp. 109-121.
11. Murtazaliev, A.M., Nabigulaeva, M.N. *Detskaya poeziya Rasula Gamza-*

tova [Children's poetry by Rasul Gamzatov]. *Litera* [Litera]. 2021, no. 10, pp. 117-130. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.10.34165

12. Mukhamedova, F.Kh. *Dagestanskaya detskaya literatura: Istoriko-literaturnyi ocherk* [Dagestan children's literature: Historical and literary essay]. Makhachkala, 2001. 377 p.

13. Tikhomirova, L.N. *Literaturnaya kolybel'naya kak zhanr «nochnoi» poezii* [Literary lullaby as a genre of "night" poetry]. *Dergachevskie chteniya: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Dergacheva (Ekaterinburg, 6-7 oktyabrya 2011 g.)* [Dergachev readings: Materials of the X All-Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of I.A. Dergacheva (Ekaterinburg, October 6-7, 2011)]. In 3 vols, 2012, vol.2, pp. 367-372.

14. Uzdenova-Karakotova, M.M. *Karachaevskaya poeziya dlya detei. Problemy zhanrovogo razvitiya* [Karachay poetry for children. Problems of genre development]. Cherkessk, Karachay-Cherkassian Institute of Humanities Research, 2020. 128 p.

15. Dzhusoity, N. *Uatsmystæ* [Works]. Dzæudzhyh"æu, Ir, 2015. 518 p. (in Ossetian).

16. Mamieva, I.V. *Osetinskaya sovremennaya poeziya: zhizn' posle* [Ossetian modern poetry: afterlife]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss. 24 (63), pp. 133-157.

17. Dzhykkaity, Sh. *Namys* [Honor]. Dzæudzhyh"æu, Ir, 2010. 415 p. (in Ossetian).

18. K"ibirti, A. *Dzubu, dzubu, dzubuldar* [Dzubu, dzubu, dzubuldar]. Moscow, RUDN University, 2023. 49 p. (in Ossetian).

19. Gædzhynon-Khabæty, R., Volozhanin, E. *Arværdyn. Iron zardzhytæ syvællættæn* [Rainbow. Songs for children in Ossetian language]. Dzæudzhyh"æu, Gasty Viktoriy nomyl rauag" dadon-poligrafion kuystuat, 2012. 52 p. (in Ossetian).

20. Byzykkaty, Z. *Khury kaft. Æmdzævgætæ syvællættæn* [Sun Dance. Poems for Children]. Dzæudzhyh"æu, OAO «Osetiya – Poligrafservis», 2009. 43 p. (in Ossetian).

21. Dauyræ. *Mæ chysyl khurtæn. Æmdzævgætæ, radzyrdtæ* [To my little suns. Poems, stories]. Dzæudzhyh"æu, Olimp, 2002. 160 p. (in Ossetian).

22. Guytsmæzty, A. *Rokhsana* [Rokhsana]. Dzæudzhyh"æu, Ir, 1999. 21 p. (in Ossetian).

23. Bryt"iaty, A. *Khury tyntæ* [Sun rays]. Dzæudzhyh"æu, OAO «Osetiya – Poligrafservis», 2019. 36 p. (in Ossetian).